

Библиографический список

1. Государственный архив Красноярского края.
2. *Коваленко С. В.* Советский вариант эмансипации женщин на Дальнем Востоке России в 20—30-х гг. XX в. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2006. № 6. С. 138—143.
3. *Козлова Н. Н.* Гендерная модернизация советской политической системы: институциональный аспект // Женщина в российском обществе. 2011. № 4. С. 38—42.
4. *Коллонтай А. М.* Задачи отделов по работе среди женщин // Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М. : Политиздат, 1972. С. 310—315.
5. Красная сибирячка. 1925. № 8. С. 2—4.
6. Отчет Енисейского губернского экономического совещания Совету труда и обороны с мая по октябрь 1921 г. Красноярск : Гос. тип., 1922. 333 с.
7. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930 / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. 616 с.
8. Статистический бюллетень. 1926. № 4 (март — апрель). Новосибирск : Сиб. краев. стат. упр., 1926. 68 с.
9. *Холина М. В.* Изменения в повседневной жизни женщин в 1920-е гг. : (на материалах малых городов Красноярского края) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2010. № 1. С. 36—43.
10. *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 554 с.
11. *Wood E.* The Baba and the Comrade : Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington : Indiana University Press, 1997. 318 p.

ББК 63.3(2)61-284.3-76

И. К. Высотских

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖЕНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
В УДМУРТИИ В 1920-х гг.**

В первое десятилетие существования советской власти происходит процесс активизации благотворительной деятельности, что было обусловлено социально-экономическим кризисом, вызванным Гражданской войной, военным коммунизмом, голодом и его последствиями. Взяв социальную сферу под свой контроль, государство не имело материальных и финансовых возможностей справиться с социальными проблемами, в частности с проблемой голода и беспризорности. Только совместные усилия государственных структур и общества, скоординированность их действий в вопросах оказания социальной помощи нуждающимся могли преодолеть трудности послевоенного периода. Осознавая неспособность самостоятельно справиться с социальными катаклизмами на этом этапе, Советское государство становится инициатором благотворительной деятельности, морально поощряя любое, даже незначительное

ее проявление. В советский период исчезает церковная благотворительность, прекращают существование дореволюционные общественные благотворительные объединения, их функции заимствуют вновь созданные массовые общественные организации, в основе деятельности которых лежит новая идеология. Ведущим мотивом благотворительной деятельности становится мотив гражданской солидарности, сама благотворительность принимает классовый характер, выразившийся в идее, что помогать необходимо исключительно представителям трудящихся масс, т. е. пролетариату и беднейшему крестьянству [7, № 7].

Общим для исследования вопроса развития женской благотворительной деятельности является выделение в качестве ее традиционных направлений помощи детям-сиротам, безработным и падшим женщинам. При этом благотворительность рассматривается в качестве способа самовыражения женщины, зачастую исключенной за рамки дореволюционной общественной жизни России. С этой точки зрения представляют интерес исследования С. Г. Айвазовой [1, 2], Н. Г. Мизь [12], З. В. Тикуновой [17], Г. Н. Ульяновой [18], А. А. Шибкова [21] и др. Социальные корни беспризорности, быт детей-бродяг и практика работы с ними стали объектами изучения Т. П. Бибанова [5], Н. И. Зубова [6], В. И. Куфаева [8], М. И. Левитиной [10], Б. С. Утевского [19] и др. Профилактические и реабилитационные функции и формы трудовой помощи как одно из направлений благотворительной деятельности рассматривают В. В. Бадя [3], Т. Л. Скрыпникова [16]. Наиболее значимыми исследованиями проблем роста проституции в послереволюционный период стали работы Н. Б. Лебиной [9] и С. Е. Панина [14], в которых приводятся статистические данные о количестве проституток в РСФСР в 1920-х гг., их дифференциация по социальным, образовательным и возрастным категориям и основные методы борьбы с проституцией, предпринимаемые как государством, так и общественностью. Анализ деятельности народного комиссара общественного призрения А. М. Коллонтай, направленной на борьбу с проституцией, чрезвычайно обострившейся в первое послереволюционное десятилетие, представлен в работе А. М. Пушкарёва [15].

Региональный аспект изучения женской благотворительной деятельности на территории Удмуртии реализуется в границах основных тенденций общероссийских исследований. Проблема женской безработицы и способы борьбы с нею в 1920—1930-х гг. рассматривались Л. В. Баталовой [4]. Женское просветительское движение в Удмуртии 20-х гг. — объект исследования Т. Л. Никулиной [13]. Роль женщин в общественной жизни региона представлена в работах Г. В. Мерзляковой [11]. К сожалению, факты, приводимые в указанных исследованиях, носят фрагментарный характер, что не позволяет создать объективную картину о масштабах женской благотворительности послереволюционного периода в регионе. Возникает необходимость введения в научный оборот неопубликованных ранее архивных материалов, которые позволят частично систематизировать направления и формы женской благотворительности, детально рассмотреть механизмы ее реализации и определить степень участия женской общественности в решении социальных проблем.

Давшие начало целому ряду добровольных общественных организаций нового типа 1920-е гг. явились временем становления и развития объединений,

продолжавших традиции дореволюционной женской благотворительной деятельности. Имеются в виду получившие распространение с 1922—1923 гг. женотделы, которые, учитывая специфику направлений их деятельности, могут рассматриваться в качестве субъектов благотворительности. Возникавшие в губерниях, уездах и волостях женотделы, объединявшие наиболее активную часть женского населения на местах, стали преемниками дореволюционных женских благотворительных обществ, таких как Дамское попечительство о бедных, Дамский тюремный комитет и пр. Местные женотделы включали женщин-делегаток, избираемых на собраниях сроком на 1 год, при этом численность делегатского собрания должна была составлять не менее 30 и не более 300 человек. При избрании в женотдел отдавалось предпочтение представительницам беднейших слоев населения, из них число членов РКП(б) в начале 1920-х гг. было незначительным. Так, по Можгинскому уезду на октябрь 1923 г. в составе женотдела было 11 коммунисток при общей численности делегаток более 200 [20, д. 441, л. 102]. В Глазовском уженотделе насчитывалось 400 делегаток, из них 13 членов РКП(б) [там же, д. 435, л. 54а]. Как правило, коммунистки составляли руководящее звено женотделов, поскольку РКП(б) рассматривала женотделы в качестве «основной организационной формы распространения влияния партии на отсталые женские массы» [там же, л. 84].

Начиная с 1921 г., с момента образования местных комитетов помгола (комитет помощи голодающим), женотделы активно включились в борьбу с голодом и его последствиями, направив в помгол своих представительниц. Делегатки осуществляли контроль над деятельностью детских учреждений — приютов, детских домов, бесплатных детских столовых, оказывали помощь в сборе пожертвований в пользу беспризорников, инвалидов войны, безработных женщин. При этом использовались как традиционные формы сбора пожертвований — кружечные сборы, лотереи, благотворительные концерты и спектакли, так и новые формы — субботники, воскресники, сборы по подписным листам.

Регламентирующим началом в деятельности женотделов служили циркуляры, присылаемые центром и принимаемые к исполнению на местах. К примеру, циркуляром от января 1923 г. определялись задачи всех женотделов губкомов, укомов и райкомов РКП(б), работавших в условиях голода и борьбы с его последствиями: 1) выделить представителей от женотделов в комиссию последгола; участие в комиссии должно выразиться в организации единовременных сборов денег и вещей, организации отчислений; 2) бороться с детской беспризорностью, поддерживать детские приемники и детские дома; принимать участие в судьбе одиноких подростков путем организации общежитий, бесплатных столовых и содействовать получению подростками профессионального образования; 3) организовать помощь безработным женщинам, особенно имеющим детей, через организацию артелей, кооперативов и т. д. Во всех этих областях женщинам предписывалось тесно сотрудничать с соответствующими органами — комиссией по улучшению жизни детей, комитетами крестьянской взаимопомощи и др. [там же, д. 434, л. 39].

В апреле 1923 г. на заседании Обженотдела Удмуртии (в то время — Вотская автономная область, ВАО) принимается решение «проводить проверку детских домов по-новому, выделяя на каждый детский дом по три активистки

женотдела на месяц, чтобы лучше уяснить положение детдомов» [там же, л. 13]. В мае 1923 г. для проверки материального состояния детских домов, содержания и воспитания в них детей создаются советы детдомов. Отдел социального воспитания при Обоно обращается в Обженотдел с отношением № 3746 от 10 мая 1923 г. с просьбой выделить представителей в данные советы. В частности, в восемь детских домов, расположенных на улицах Береговая, Базарная и в районе Зарека Ижевска, отправить представителей от заводской райженсекции, в остальные шесть городских детских домов — представителей от городской райженсекции [там же, л. 16]. Итак, весной 1923 г. в Ижевске существовало 14 детских учреждений для сирот и представители от женотделов были распределены в них, как показано в таблицах 1 и 2 [там же, д. 281, л. 10].

Таблица 1

**Распределение представительниц Обженотдела
в учреждения для детей школьного возраста г. Ижевска**

Название учреждения	Представитель женотдела
Детдом жертв революции	Азиатцева Е.
Детдом «Красная звезда»	Князева А.
Детдом Обсоюза	Глушкова А.
Детдом № 3	Кайгородова О.
Детдом № 5	Трубицына Е.
Детдом № 12	Красногорова М.
Детдом № 16	Тарасова М.
Школьный изолятор	Рыбникова А.

Таблица 2

**Распределение представительниц Обженотдела
в учреждения для детей дошкольного возраста г. Ижевска**

Название учреждения	Представитель женотдела
Детдом № 1	Иванова В.
Детдом № 2	Пушкарёва З.
Детдом № 3	Смоленцева М.
Детдом № 4	Краснопёрова Е.
Приемник	Житникова А.
Коллектор	Брауде С.

Результаты проверок состояния детских учреждений и находящихся в них детей часто были весьма неутешительными, что было вызвано как объективными, так и субъективными причинами. К объективным причинам относились острый дефицит материальных ресурсов детдомов, плохое состояние здоровья призываемых детей (что было понятно, если учесть условия, в которых дети существовали до призрения), нехватка квалифицированного персонала. Из-за дефицита кадров в детских учреждениях члены Обженотдела систематически посещали детдома, где ухаживали за детьми, выполняя функции нянь [там же,

д. 836, л. 128]. К субъективным причинам следует отнести ненадлежащее выполнение руководством некоторых детских домов своих обязанностей, равнодушие, халатность и даже факты расхитительства. Так, в Детдоме жертв революции, где содержались дети и подростки до 16 лет в количестве 53 человек, на 1 мая 1923 г. было выявлено 13 детей, больных инфекционными заболеваниями, в том числе венерическими; 19 детей с малокровием; 4 ребенка с глазными заболеваниями; 1 ребенок с желудочным заболеванием и только 16 детей относительно здоровых [там же, д. 163, л. 97].

Весной 1923 г. Глазовским горженотделом был проведен сбор пожертвований в пользу приютов, в результате чего было собрано 3000 руб. деньгами, более 10 пудов продуктов, игрушки, белье [там же, д. 435, л. 88 об.]. Тяжелейшее материальное положение детских учреждений Удмуртии усугублялось практически полным отсутствием финансирования со стороны государства. Из-за недостатка средств шло постепенное сокращение числа детских учреждений, что вызывало резко негативную реакцию женщин, стремившихся не только сохранить уже имеющиеся детские дома, но и по возможности открыть дополнительные, поскольку необходимость в них из-за роста беспризорности не ослабевала: «Сокращать число детских домов и приютов невозможно, так как там находятся дети-сироты, совершенно бесприютные; есть дети местных крестьян — вотяков (их в приютах большинство)» [там же, л. 16].

Помимо плановых обследований детских учреждений, женотделами регулярно проводились недели и месячники помощи больным и беспризорным детям. Например, план проведения «недели помощи больному и беспризорному ребенку», назначенной на период с 30 апреля по 6 мая 1923 г., включал:

- организацию Областного комитета по проведению недели. В комитет вводились представители от Обкома РКП(б), Обкома РКСМ, Обоно, Обздравотдела, Обпрофсовета, Обженотдела, уполномоченный от Комиссии по улучшению жизни детей;
- выпуск спецномера газеты, посвященного беспризорным и больным детям, брошюр, листовок; проведение лекций на ту же тему;
- обследование детских учреждений с целью выяснения нужд и оказания помощи в детских отделениях при больницах;
- проведение учета всех беспризорных детей по Удмуртии;
- обследование всех подопечных, живущих у опекунов и в частном патронировании;
- обследование всех детей врачебной комиссией, в первую очередь содержащихся в детдомах;
- проведение массовой агитации всеми доступными средствами среди рабочих и служащих с целью производства ими отчислений с заработка в пользу беспризорных и больных детей;
- проведение кружечных сборов и сборов по подписным листам одежды, белья, обуви, книг, учебных пособий, продуктов, предметов оборудования для детских учреждений;
- обращение ко всем театрам, клубам, кинематографам с просьбой один день в неделю дать спектакль или киносеанс, сбор от которого пойдет в пользу детей;

— обращение к производственным предприятиям с просьбой произвести мелкий ремонт и пополнить инвентарь детских учреждений;

— проведение денежных сборов с государственных торговых и промышленных предприятий в размере 1 % месячного валового дохода; с частных торговых точек и промышленных предприятий в размере, определяемом разрядом патента: I разряд — 75 руб., II — 60 руб., III — 50 руб. Также проведение процентных отчислений от штрафных поступлений;

— устройство спектаклей и концертов для беспризорных детей силами детей школ, детских домов и школьных работников.

Все собранные средства предписывалось строжайшим образом учитывать и сдавать в Обкомитет или укомы. На средства от сборов было принято решение основать колонию для несовершеннолетних правонарушителей и колонии для детей и подростков, больных трахомой и сифилисом [там же, д. 423, л. 16].

Неделя помощи беспризорному и больному ребенку, организованная Можгинским уженотделом, выразилась в проведении лотереи-аукциона, спектакля и концерта. Сам уженотдел пожертвовал местному приюту нить-крученку, приобретенную на деньги, выделенные Обженотделом. Пряжа в количестве 5 фунтов была отдана с целью обучения приютских девочек ткачеству [там же, д. 441, л. 52].

С 27 мая по 3 июня 1923 г. Глазовский уженотдел принимал участие в неделе помощи беспризорному и больному ребенку. Был проведен кружечный сбор по городу силами женотдела и комсомола, поставлены благотворительный спектакль и концерт, организовано народное гулянье с буфетом, выручка от которого была перечислена в пользу детей (табл. 3). Члены профсоюзов приняли решение отчислить 1 % от майского жалованья детским домам; проведен медицинский осмотр детдомовских детей; предпринята регистрация беспризорных [там же, д. 435, л. 49].

Таблица 3

Результаты сборов пожертвований, проведенных в рамках недели помощи беспризорному и больному ребенку 27 мая — 3 июня 1923 г. по Глазовскому уезду

Наименование	Количество
Деньги	7207 руб. 81 коп. (из них куплено облигаций хлебного займа на 150 пудов на сумму 4500 руб.)
Мука, овес, гречневая крупа	33 пуда 18 фунтов
Шерсть	12 фунтов
Холст	45 аршин
Лен	2 фунта

В марте 1927 г. Обженотделом было принято решение о создании по районам Ижевска дружин для борьбы с беспризорностью, в которые вошли женщины-делегатки [там же, д. 836, л. 120]. Участие женщин в деле призрения детей выразилось и в привлечении их к организации детских приютов, что осо-

бенно проявилось в период 1920—1921 гг., когда наблюдался самый активный рост числа подобных детских учреждений в стране [там же, л. 101 об.].

Другим направлением деятельности женотделов стала борьба с женской безработицей, чрезвычайно обострившейся в послереволюционный период. По сведениям Областного отдела труда, попавших под сокращение женщин в 1922 г. было зарегистрировано около 1000. В январе 1923 г. число безработных женщин по Ижевску составляло 620; в г. Глазове в июле 1923 г. зарегистрированных безработных женщин было 248, в августе того же года — 300 [там же, д. 434, л. 1], по Глазовскому уезду на 1 декабря 1927 г. — 900 [там же, д. 435, л. 47]. По данным отдела труда, в январе 1927 г. безработных женщин по Ижевску насчитывалось 1853, из них 53 — квалифицированные специалисты [там же, д. 836, л. 81], большинство из них пособие по безработице не получали [там же, л. 93, 60].

Обженотделом регулярно проводились обследования материального положения безработных женщин (к августу 1927 г. подобных обследований проведено 1500) [там же, д. 435, л. 56]. В апреле 1923 г. в Селтинском уезде была проведена регистрация всех безработных женщин, и в первую очередь имеющих малолетних детей. Регистрацией занимались непосредственно делегатки женотдела, из числа которых была создана специальная комиссия [там же, д. 836, л. 173].

Механизм реализации трудовой помощи Обженотделом осуществлялся следующим образом: члены женотдела выявляли безработных женщин, брали их на учет и давали направление на биржу, где имелись представители из числа делегатов, которые непосредственно отслеживали факты трудоустройства нуждавшихся в работе женщин: «Женотдел установил ежедневное дежурство на бирже труда, чтобы наблюдать за правильной посылкой на работу» [там же, д. 434, л. 1] (табл. 4).

Таблица 4

Уровень безработицы в ВАО среди женского населения в 1928—1929 гг.

Дата	Количество безработных, чел.		Количество устроенных на работу из числа безработных женщин, %
	Всего	Женщины	
1 октября 1928 г.	4226	2653 (63 %)	13
1 октября 1929 г.	5897	3214 (55 %)	20

Безработица зачастую становилась причиной роста проституции, общественный контроль над которой осуществлялся посредством включения членов женотделов в состав комиссий содействия борьбе с проституцией и абортами [14, с. 119]. Комиссии действовали на добровольных началах, без какого-либо руководства и помощи со стороны государства. На совещании членов совета по борьбе с проституцией на территории Удмуртии (март 1927 г.), где присутствовали врачи-венерологи от Обздраотдела, а также делегатки от Обженотдела, было принято решение организовать постоянный совет из пяти представителей Обздраотдела, вендиспансера, Обугрозыска, Обпрофсовета и Обженотдела. Соборания совета постановили проводить не реже одного раза в неделю [20, д. 435, л. 46]. Подобная регулярность собраний совета явно свидетельствовала

об остроте проблемы проституции в области, где уровень заболеваемости сифилисом и гонореей превосходил общероссийские показатели. Представительница от обженотдела входила и в абортную комиссию при здравотделе, где принималось решение о целесообразности аборта в каждом конкретном случае (только в Ижевске в неделю делалось по 12—15 абортов) [там же, д. 836, л. 59]. Таким образом, общественность допускалась даже в такую сферу, как интимная жизнь женщины.

Уженотделом было решено с целью борьбы с проституцией поставить собственными силами пьесу «Агитсуд над проституткой», причем дать два спектакля: один платный, благотворительные сборы от которого в сумме 5489 руб. были распределены среди безработных женщин, второй — бесплатный, с целью агитации [там же, д. 435, л. 55 об.]. На апрель 1927 г. по Ижевску десять проституток, состоявших на учете в Обугрозыске, не имели определенного места жительства, кроме проституции занимались воровством, и это были девочки 14—15 лет. Свой образ жизни малолетние проститутки объясняли материальной необеспеченностью. Также в городе было обнаружено несколько притонов, «замаскированных под пивные с “кабинетами”, но в летнее время необходимости в них нет и они не функционируют» [там же]. Обугрозыск направлял выявленных проституток на работу через Обженотдел [там же, д. 836, л. 61], что еще раз подтверждает факт привлечения государственными органами общественных организаций к решению социальных проблем.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в послереволюционный период женская благотворительная деятельность реализовывалась в сфере социальной помощи женщинам и детям. Женская общественная деятельность была направлена на решение проблем беспризорности, женской безработицы, проституции. Это указывает на то, что Советское государство инициировало и активизировало деятельность женщин в вопросах социальной помощи населению. Женское население включалось в политические массовые мероприятия и общественную жизнь страны. В это время появляются собственные общественные организации, среди которых доминирующее положение занимают женотделы. Основными направлениями деятельности женотделов остаются традиционные направления — призрение детей, помощь безработным матерям, борьба с проституцией и абортами. Сама благотворительность становится политическим актом, посредством которого женская общественность включается в политическую жизнь страны. С одной стороны, включение женщины в общественную жизнь проходит под лозунгом «освобождения поработанной рабыни, какой она была в семье и в обществе царской России» [7, № 3], с другой стороны, через политизацию женского сознания советская власть решала задачу обеспечения собственной поддержки в лице огромной массы женского населения страны.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Первый Всероссийский женский съезд: дискуссия о равноправии // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 4. С. 31—45.
2. Айвазова С. Г. Политическое участие женщин: немного истории и теории // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3. С. 3—12.

3. *Бадя Л. В.* Трудовая помощь как направление российского благотворения // Социальная работа в России: прошлое и настоящее. М. ; Ставрополь : Ставропольсервискнига, 1998. С. 14—15.
4. *Баталова Л. В.* Женщины и производство: 20—30-е гг. // Тезисы докладов 3-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1997. Ч. 1. С. 83—84.
5. *Бибанов Т. П.* Общество «Друг детей» // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 166—168.
6. *Зубов Н. И.* Дзержинский : биография. М. : Политиздат, 1971. 424 с.
7. Ижевская правда. 1924.
8. *Куфаев В. И.* Школа-коммуна имени Ф. Э. Дзержинского : (из опыта работы). М. : Учпедгиз, 1938. 192 с.
9. *Лебина Н. Б.* Теневые стороны жизни советского города 20—30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30—42.
10. *Левитина М. И.* Беспризорные : социология, быт, практика работы / под ред. А. Б. Залкинда. М. : Новая Москва, 1925. 454 с.
11. *Мерзлякова Г. В.* Из истории женского образования (XVIII — нач. XX в.) // Женщины и российское общество : научно-исторический аспект. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1995. С. 64—71.
12. *Мизь Н. Г.* Благотворительность в Южно-Уссурийском крае до 1917 года // Благотворительность в России : исторические и социально-экономические исследования. СПб. : Лики России, 2003. С. 259—264.
13. *Никулина Т. Е.* Женское просветительское движение в Удмуртии в 20—30-е годы // Женщины и общество : вопросы теории, методологии и социальных исследований. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1997. С. 46—48.
14. *Панин С. Е.* Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 113—119.
15. *Пушкарев А. М.* К историографии «истории повседневности» и «нового быта» 1920-х гг. : (проблема «новой половой морали» в работах А. М. Коллонтай) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1/2. С. 55—75.
16. *Скрыпникова Т. Л.* Деятельность Воронежского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых // Благотворительность в России : исторические и социально-экономические исследования. СПб. : Лики России, 2003. С. 353—367.
17. *Тикунова З. В.* «Благотворительный сезон» — один из механизмов реализации благотворительности : Омский опыт // Благотворительность в России : социальные и исторические исследования. СПб. : Лики России, 2001. С. 629—636.
18. *Ульянова Г. Н.* Купчихи-благотворительницы // Былое. 1996. № 5. С. 14—15.
19. *Утевский Б. С.* Борьба с детской беспризорностью / под ред. Я. А. Переля, А. А. Любимова. М. ; Л. : Наркомпрос РСФСР, 1932. 148 с.
20. Центр документации новейшей истории Удмуртской республики. Ф. 16. Оп. 1.
21. *Шибков А. А.* Женщины России в медицинской школе и на войне до XX века. Л. : [б. и.], 1957. 151 с.